

УДК 94(47)«1918/1919»

Е. О. Наумов

E. O. Naumov

ВОЛНЕНИЯ В ЗАПАСНЫХ ЧАСТЯХ 1-й АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В ТЫЛУ И НА ПЕРЕДОВОЙ ОСЕНЬЮ 1918 — ЗИМОЙ 1919 г.

UNREST IN THE SPARE PARTS OF THE 1ST ARMY OF THE EASTERN FRONT IN THE REAR AND ON THE FRONT LINE IN THE AUTUMN OF 1918 — WINTER OF 1919

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, 1-я армия, мобилизационный отдел, Среднее Поволжье, Саранский полк, 4-й Пензенский полк.

В статье на основе неизученных ранее документов Российского государственного военного архива (г. Москва) рассматриваются причины и последствия солдатских выступлений, происшедших в Саранске, Алатыре и непосредственно на фронте в 3-м, 4-м Пензенском и Саранском запасных полках, которые формировались мобилизационным отделом 1-й армии.

Key words: the Civil War, Eastern Front, the 1st Army, mobilization department, the Middle Volga region, Saransk Regiment, the 4th Penza Regiment

Based on previously unexplored documents of the Russian State Military Archive (Moscow), the article with the causes and consequences of soldier unrest that took place in Saransk, Alatyр and directly at the front in the 3rd, 4th Penza and Saransk reserve regiments, which were formed by the mobilization department of the 1st Army.

Процесс создания Красной армии в годы Гражданской войны 1917 — 1922 гг. в России сопровождался многочисленными трудностями, среди которых важнейшей являлось нежелание значительной части населения принимать участие в бессмысленном братоубийственном конфликте. Военное руководство и гражданские власти неоднократно сталкивались со сложностями во время проведения мобилизаций крестьян и рабочих, волнениями воинских частей, подразделений и соединений на фронте и в тылу. Как правило, подобные выступления пресекались довольно быстро с использованием как агитационных, так и насильственных мер. Тем не менее каждое из них происходило по особому, уникальному сценарию и демонстрировало, прежде всего, отношение красноармейцев к происходящим вокруг событиям, а также действия военного командования по решению возникших проблем. Несколько таких волнений произошло осенью 1918 — зимой 1919 г. в запасных частях 1-й армии, которые формировались мобилизационным отделом в городах Пензенской и Симбирской губерний из крестьян, призванных на указанной территории.

В советской историографии данные эпизоды по идеологическим причинам, как правило, не затрагивались. В случаях, когда выступления становились объектом исследования, они четко вписывались в схему «кулацко-эсеровских» восстаний, которые легко подавлялись и не имели никаких далеко идущих последствий¹. Ситуация изменилась после 1991 г., когда ученым стали доступны засекреченные

ранее архивные материалы, а также появилась возможность открыто и без употребления заезженных штампов писать на запрещенные ранее темы. Однако ввиду того, что интерес историков был направлен, прежде всего, на изучение антибольшевистского движения и многих других «белых пятен» Гражданской войны в России, процесс создания Красной армии практически перестал интересовать как общественность, так и исследователей. В результате информация о волнениях в запасных частях 1-й армии в довольно кратком варианте стала появляться в научных работах только в 2000-е гг. Например, выступлению 4-го Пензенского полка в Алатыре в ноябре 1918 г. буквально несколько строк посвятил ульяновский историк В. Н. Кузнецов². Более подробно указанный инцидент был разобран в одной из монографий В. А. Юрчёнкова³. Между тем в Российском государственном военном архиве (г. Москва) хранится большое количество неиспользованных ранее документов, посвященных данным событиям. На основе указанных материалов в статье реконструируются причины и ход выступлений, а также меры военного командования по их подавлению.

Начало широкомасштабной фронтовой Гражданской войны в России летом 1918 г. было вызвано вооруженным мятежом солдат Чехословацкого корпуса в Поволжье, Приуралье и Сибири, подавление которого наряду с борьбой с войсками антибольшевистских правительств, образованных в указанном регионе, потребовало организации воинских объединений Красной армии на востоке страны. 13 июня 1918 г. постановлением, подписанным председателем СНК В. И. Лениным и Народным комиссаром по военным делам Л. Д. Троцким, был создан Революционный военный совет (РВС) в составе главнокомандующего М. А. Муравьева и политических комиссаров П. А. Кобозева и Г. И. Благодравова⁴. Перед ними была поставлена задача объединить руководство частями и подразделениями Красной армии, находящимися на востоке страны. Уже 16 июня 1918 г. из войск, расположенных на территории Пензенской и Симбирской губерний, началось формирование 1-й армии⁵. На протяжении многих месяцев данное воинское объединение пополнялось за счет полков и отрядов, прибывавших на Восточный фронт из других регионов страны. Однако ввиду того, что подобные подкрепления направлялись в 1-ю армию довольно редко, в конце июля — начале августа 1918 г. командование приняло решение о самостоятельном проведении в прифронтовой полосе мобилизации населения и создании из призванных крестьян и рабочих запасных формирований. Для реализации поставленной цели 24 июля 1918 г. при политическом отделе штаба 1-й армии был создан мобилизационный подотдел⁶, который 15 августа 1918 г. был реорганизован в мобилизационный отдел, расположившийся в Саранске Пензенской губернии. Указанное штабное подразделение возглавил молодой московский коммунист Ш. Н. Ибрагимов, который энергично приступил к работе⁷. Уже 23 августа 1918 г. в Саранске началось формирование 3-го Пензенского полка⁸, а 27 сентября 1918 г. мобилизационный отдел приступил к созданию 4-го Пензенского полка. На этот раз часть было решено расквартировать в Алатыре Симбирской губернии, что было вызвано недостатком в Саранске необходимых казарм и помещений⁹.

Первое крупное волнение в запасных частях и подразделениях 1-й армии произошло 16 сентября 1918 г., когда 1-й батальон 3-го Пензенского полка отказался выступать на фронт¹⁰. В исследовательской и мемуарной литературе основной при-

чиной неповиновения красноармейцев называлась контрреволюционная агитация, которая якобы велась кулаками и эсерами, случайно или намеренно проникшими в подразделение¹¹. Здесь нужно отметить, что факты подстрекательства солдат со стороны менее дисциплинированных сослуживцев встречаются в документах по истории Гражданской войны в России достаточно часто¹². Однако длительное время на указанную группу бойцов бездоказательно навешивался негативный ярлык «кулаков». Это делалось с целью смещения акцента с реальных проблем, с которыми сталкивалось командование при строительстве вооруженных сил, на факт продолжавшегося острого противостояния между зажиточными и бедными крестьянами¹³. Тем не менее участники событий и историки признавали, что обстановку, в которой происходило формирование батальона, нельзя было назвать идеальной, и реакция солдат, вчерашних крестьян, на известие об отправке на боевые позиции была вполне ожидаемой. Например, заведующая политическим подотделом мобилизационного отдела Е. И. Герцовская вспоминала: «Прибывавшие из разных мест мобилизованные крестьяне, не отдавая себе ясного отчета в происходящей борьбе, представляли бесформенную недисциплинированную массу. Инстинктивно преданные Советской власти, они все же, в силу своей неустойчивости и малосознательности, легко поддавались всяким провокационным слухам и легко возбуждались на почве тех недостатков, которые ощущались в первое время формирования армии. А недостатков, благодаря разрухе, было много. То не хватало обмундирования, то пища была плоха...»¹⁴. Это вынуждало красноармейцев выступать с требованиями о выдаче всего необходимого. Например, в приказе по мобилизационному отделу № 32 от 12 сентября 1918 г., т. е. за несколько дней до отправки подразделения на фронт, Ш. Н. Ибрагимов писал: «Ко мне поступают жалобы, что люди 3-го пехотного Пензенского полка уже два дня как не получают хлеба, несмотря на то, что в полку хлеб имеется. Приказываю Командиру и Политическому Комиссару полка строго следить за правильной и своевременной выдачей людям положенного довольствия»¹⁵. Однако сделать это ввиду отсутствия в распоряжении мобилизационного отдела такового было невозможно, о чем свидетельствует телеграмма начальника снабжения моботдела начальнику снабжения 1-й армии от 17 сентября 1918 г., в которой требовалось прислать для направляющегося на фронт батальона 80 пудов хлеба¹⁶.

Аналогичные просьбы поступали и по поводу вооружения. Сотрудник моботдела С. И. Александров вспоминал, что указанный батальон «должен был отправиться в распоряжение штаба армии на фронт без оружия — его не хватало. Бойцы настаивали на выдаче винтовок, обосновывая требование тем, что на них могут дорогой напасть белогвардейцы. Было принято решение выдать часть винтовок с патронами»¹⁷. Можно предположить, что руководство моботдела опасалось выполнять данную просьбу из-за возможности использования орудия против командования. Данная гипотеза основана на опыте 4-го Пензенского полка, о котором будет сказано ниже.

Не стоит также забывать о противоречивом настроении призывников, многие из которых хорошо помнили о насильственном ходе мобилизации августа 1918 г.¹⁸ и с большим трудом воспринимали политическую агитацию, распространение которой первоначально было налажено недостаточно хорошо. Е. И. Герцовская вспоминала: «Что же касается политической жизни красноармейца, то здесь ровно

ничего не делалось; больше того, политическое воспитание красноармейцев на первых порах совершенно игнорировалось. Помню, как на мой вопрос: можно ли устроить митинг или собрание в части, мне ответили, что раньше надо накормить красноармейца хлебом, а потом уже кормить его митингами»¹⁹.

Поведение солдат вызвало беспокойство руководства мобилизационного отдела. 16 сентября 1918 г. Ш. Н. Ибрагимов телеграфировал политическому комиссару 1-й армии С. П. Медведеву: «Назначенный к отправке [в] Кузоватово батальон пехоты отказался выступить. Принимаем все меры. Надеяться на скорое выступление трудно. Дальнейшее сообщим»²⁰. В ответной телеграмме С. П. Медведева, в свою очередь, сообщалось следующее: «Примите все меры к отправлению на фронт батальона, отказавшегося выступить, заявите им, что в то время, когда дружным натиском честных и преданных борцов за дело освобождения от гнета и эксплуатации насильников всей мировой буржуазии, враги опрокинуты и бегут, — в это время окончательная победа в руках тех, кто снаряжен и вооружен, кто не растратил еще своих сил в тяжелой борьбе против насильников буржуазии. От них, только от них зависит сейчас окончательный разгром всех сил эксплуататоров. Своим поведением они дадут решительную победу Советской власти и России над ее врагами, или подлое предательство всех завоеваний трудящихся, купленных ценой крови и жертв народа. С теми, кто своим поведением сулит предательство, — я уполномочиваю Вас поступить как с врагами народа и применить к ним все меры расправы, вплоть до уничтожения. Предложите честным представителям труда немедленно исполнить наше предписание, бесчестных разоружить и предать Революционному суду 1-й армии. О принятых вами мерах немедленно сообщите мне»²¹.

На следующий день, 17 сентября 1918 г., Ш. Н. Ибрагимов телеграфировал С. П. Медведеву, что «принятыми мерами и уговорами батальон 3-го Пензенского полка посажен в вагоны и отправляется в распоряжение начдива Инзенской»²². Однако руководство мобилизационного отдела подозревало, что подобные эксцессы могут произойти в пути на других железнодорожных станциях. Неслучайно 18 сентября 1918 г. Ш. Н. Ибрагимов вновь сообщал С. П. Медведеву и командиру Инзенской дивизии Я. Я. Лацису о необходимости «[в] Рузаевке принять предосторожности»²³. Проницательности Ш. Н. Ибрагимова можно позавидовать, так как в Рузаевке действительно произошел очередной инцидент, который, хоть и не был связан непосредственно с 1-м батальоном 3-го Пензенского полка, но позволил солдатам впервые почувствовать себя в условиях, приближенных к боевым. 18 сентября 1918 г. Ш. Н. Ибрагимов в телеграмме Я. Я. Лацису писал, что «в Рузаевке был случай, что из проходившего эшелона хулиганом-красноармейцем была брошена бомба. Имея вышеизложенное ввиду, и сообщил о принятии мер предосторожности»²⁴.

Впоследствии волнения запасных частей и подразделений в Саранске во время отправки солдат на фронт из-за отсутствия в их распоряжении всего необходимого для ведения боевых действий происходили неоднократно, о чем свидетельствуют воспоминания работника мобилизационного отдела А. Я. Яковлева и председателя уездного совета П. А. Бусыгина. Последний, например, приводил такой эпизод: «Один раз на площади произвольно собрался митинг отъезжающих на фронт красноармейцев. Мне позвонили из мобилизационного отдела, чтобы я съездил на этот

митинг. Когда я приехал на митинг, в нем участвовало более тысячи человек. Выступающие ораторы требовали, во что бы ни стало им дали сапоги, ссылаясь на то, что они едут на фронт осенью, а это было в ноябре* месяце, они не могут ехать в ботинках. Когда я выступил и стал разъяснять им, что ни в мобилизационном отделе, ни в исполкоме, ни в городе нет сапог и их просьбу-требование удовлетворить нельзя. Здесь раздалась голоса — давай! Сзади меня взяли под руки два красноармейца и стащили с лестницы. А когда стащили, потребовали, чтобы я снял сапоги и отдал им. Но когда я снял сапоги и в течение 10 — 15 минут их никто не брал, я надел свои сапоги и ушел с митинга.

Вечером этого дня все коммунисты и гражданские и военные были отправлены в казармы. На другой день были проводы на фронт, и отправляемые красноармейцы были в хорошем настроении»²⁵.

Примерно в тот же период, т. е. в конце октября 1918 г., произошло еще одно выступление, на этот раз в артиллерийских батареях, которые, вероятно, направлялись на фронт в тех же самых эшелонах, что и 3-й Пензенский полк²⁶. А. Я. Яковлев вспоминал, что однажды «надо было отправлять на фронт три батареи, а красноармейцы только митингуют...

Придя в артиллерию, я действительно застал на улице сплошной митинг не только красноармейцев 3-х батарей, отправляющихся на фронт, но и красноармейцев всех формируемых батарей. Никакие уговоры агитаторов, которых было несколько, не действовали...

После короткой речи я даю команды всем командирам батарей собрать своих красноармейцев по своим баракам и ждать моего прихода и дальнейших распоряжений. На этом митинг кончился и три артиллерийских батареи с музыкой были отправлены на фронт»²⁷.

Нужно отметить, что подобные волнения происходили не всегда. Например, 3 октября 1918 г., согласно телеграмме политического комиссара по расформированию и формированию частей 1-й армии в пределах Пензенской губернии М. А. Алексеева, проводы Смоленской батареи на фронт прошли «с музыкой» и «большим подъемом духа»²⁸. Однако данное подразделение, в отличие от перечисленных выше, уже имело опыт участия в боевых действиях и находилось в Саранске исключительно для пополнения. Несмотря на то, что в документах столь красочного описания отправки частей и подразделений из Саранска больше не встречается, о серьезных выступлениях современники также не писали.

Сразу несколько волнений произошло в Алатыре в 4-м Пензенском полку в ноябре 1918 г. На основе имеющихся в нашем распоряжении материалов можно выделить их главную причину — сильное падение дисциплины солдат части, ко-

* П. А. Бусыгин, вероятно, описывал процесс отправки в Казань в расположение 5-й армии Восточного фронта, пополненного 3-го Пензенского полка 22 — 24 октября 1918 г., так как в ноябре 1918 г. мобилизационный отдел крупные части на фронт не направлял. См.: Отчет мобилизационного отдела 1-й Революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведению мобилизации за время с 15-го августа 1918 г. по 1-е мая 1919 г. // Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект. Саранск, 2016. С. 191 — 195.

торое произошло из-за нескольких факторов. Во-первых, в 4-м Пензенском полку довольно активно распространялись антисоветские настроения. На это, например, обращалось внимание в протоколе № 7 общего собрания коллектива полковой ячейки коммунистов и сочувствующих части от 29 ноября 1918 г.: «Контрреволюционное выступление произошло по инициативе и скрытой агитации присутствовавших в рядах полков среди красноармейцев кулацких элементов, имеющих непрерывную связь и скрытое влияние на несознательные массы полка»²⁹. На подобное поведение «кулацких сынков» также обращалось внимание 30 ноября 1918 г. в докладе Кобаева, политического комиссара особого отряда, прибывшего из Саранска в Алатырь для расследования выступления³⁰. В документах не сообщалось, в чем же заключалась суть данной агитации. Между тем В. А. Юрчёнков со ссылкой на архивные материалы писал, что солдаты требовали ликвидации комбедов³¹. Очевидно, что возникновение подобных разговоров во многом было обусловлено ненастроенностью политической работы в войсках. В политсводке по 1-й армии от 28 и 29 ноября 1918 г. отмечалось, что в 4-м Пензенском полку отсутствовали агитаторы, а также плохо распространялась литература среди солдат³².

Во-вторых, в части было сильно развито дезертирство, с которым представители командного состава якобы практически не боролись. По словам Кобаева, уже после того как выступление было ликвидировано в Алатырской уездной ЧК состоялось заседание, на котором присутствовали командиры рот и батальонов 4-го Пензенского полка, согласившиеся с предъявленными претензиями: «Были сильные самовольные отлучки, со дня самовольной отлучки подавались рапорта и со дня явки самовольной отлучки подавались рапорта командиру полка и политическому комиссару, но почему-то меры никакие не принимались». Аналогичные претензии были направлены в адрес Чрезвычайной комиссии, сотрудники которой обвинялись в пьянстве³³. Несмотря на то что беглецов все же ловили, их возвращение в полк явно не способствовало стабилизации ситуации, о чем сообщалось в политической сводке по 1-й армии за 28 и 29 ноября 1918 г.³⁴

Отметим, что не все участники событий были согласны с указанными обвинениями. Например, политический комиссар 4-го Пензенского полка Тарачков, который нес персональную ответственность за произошедшие события, в докладе, полученном в штабе Восточного фронта 4 декабря 1918 г., писал о том, как в действительности происходило распространение антисоветских настроений в части, и что этому способствовало: «Агитация этих элементов (т. е. кулаков — *Е. Н.*) тем более легка, как констатирует и собрание ячейки, что в полку и в городе не достает агитационных сил, что в связи с отсутствием помещений, освещения и обстановки создает много препятствий в рациональном использовании свободного от занятий времени в полку... Главная причина, мешающая в совершенстве восстановить и дисциплинировать красноармейские массы — это общение со своими родственниками, ежедневно массами осаждающими казармы и делящимися всевозможными несчастьями, постигшими их в деревне, чем основательно и расстраивают воображение красноармейцев, что сильно способствует дезорганизации полка...»³⁵. Немалую роль сыграло негативное соседство находившегося в Алатыре 96-го запасного пехотного полка, который, по словам Тарачкова, являлся еще более разложившейся частью, чем 4-й Пензенский полк. Именно солдаты 96-го запасного пехотного пол-

ка, которые, по некоторым сведениям, были недовольны недостатком обмундирования, а также действиями представителей командного состава, часто халатно относившихся к своим обязанностям, и спровоцировали красноармейцев 4-го Пензенского полка на выступление³⁶.

Относительно роли представителей командного состава в указанных событиях прямо противоположную точку зрения высказал коллектив коммунистической ячейки полка на собрании 29 ноября 1918 г.: «Лояльного и косвенного отношения к контрреволюционному выступлению местного гарнизона лиц (инструкторов) командного состава 4-го Пензенского пехотного полка — коллективом полковой ячейки коммунистов (большевиков) и сочувствующих замечено не было, как и вообще названный командный состав ни в каких контрреволюционных агитациях и попустительствах по службе не замечен, а о всех проступках товарищей красноармейцев аккуратно и своевременно подавались рапорта», что, естественно, вызывало недовольство солдат³⁷. К этому добавилось общее недоверие бойцов к командирам, среди которых было много бывших офицеров старой российской императорской армии³⁸. Здесь необходимо пояснить, что отношение красноармейцев к военным специалистам на протяжении всей Гражданской войны было неоднозначным, что было вызвано, прежде всего, революционными событиями 1917 г., когда авторитет офицеров под влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов резко упал. Подобные настроения впоследствии перетекли и в Красную армию³⁹. Все вместе это привело к произошедшему в начале ноября 1918 г. убийству командира 6-й роты 4-го Пензенского полка Сидорова*, ставшему первым звеном в цепи солдатских выступлений, вспыхивавших в части вплоть до конца месяца⁴⁰.

Здесь возникает очередной закономерный вопрос — почему полковое руководство и местные власти Алатыря (совет, военный комиссариат, чрезвычайная комиссия) позволили красноармейцам на протяжении месяца вести себя столь безнаказанно? Начнем с того, что фиксировавшиеся «давно» сигналы о «глубоком брожении» в части поступали вышестоящему командованию задолго до начала инцидентов. Об этом, например, свидетельствует телеграмма начальника алатырского гарнизона в штаб Восточного фронта, которая 3 ноября 1918 г. была перенаправлена в штаб 1-й армии. Тогда никаких мер принято не было, что привело к первой волне солдатского недовольства, о которой было сказано выше. Крупномасштабных волнений удалось избежать только потому, что в Алатыре находился 4-й латышский полк, который вовремя оцепил казармы. Однако в городе отсутствовал аппарат для проведения дальнейших следственных и судебных мероприятий. Например, начальник гарнизона предлагал расстрелять десять подстрекателей, что, по-видимому, не было сделано. Более того, высказывались прогнозы о возможном ухудшении обстановки из-за планировавшегося отъезда из Алатыря 4-го латышского полка⁴¹. Указанные предположения сбылись спустя несколько дней, 16 — 18 ноября 1918 г., когда произошла очередная волна недовольства, вызванная задержанием солдата И. Войтина, являвшегося одним из инициаторов первого выступления. О подробностях волнений в документах не сообщалось. Однако из телеграммы Тарачкова становится известно, что и в этот раз следствие «велось местной чрезвычайной

* По другим сведениям, Сидоров был избит (РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 195. Л. 72 — 72 об.).

чайной комиссией вяло и медленно, и другие активные участники движения не были ею обнаружены и арестованы»⁴².

Показательным примером, демонстрировавшим отношение армейского командования к сложившейся в Алатыре ситуации, являлась попытка отправить 4-й Пензенский полк на фронт прямо в разгар описываемых событий. Например, В. А. Юрчёнков писал, что такой приказ появился 15 ноября 1918 г., что вызвало недовольство солдат⁴³. Подобные обсуждения велись и впоследствии. Так, 18 ноября 1918 г. председатель мобилизационного отдела Ш. Н. Ибрагимов телеграфировал командующему 1-й армией М. Н. Тухачевскому: «4-й Пензенский пехотный полк готов, но имеет только 200 винтовок, дайте 2 000 винтовок, 90 седел и полк можно будет отправить на фронт»⁴⁴. Очередная телеграмма, на этот раз С. П. Медведеву, была отправлена Ш. Н. Ибрагимовым 20 ноября 1918 г.: «Настроение [в] 4-м Пензенском полку неважное, потому прошу дать еще распоряжение отправить полк без винтовок на фронт»⁴⁵. Похожая телеграмма была направлена 24 ноября 1918 г. в штаб 1-й армии комиссаром по организации тыловой кавалерии Гриневым, который также находился в городе: «Положение Пензенского полка, который [в] Алатыре, удовлетворительно. Нужно оружие. Можно отправить на фронт»⁴⁶.

По иронии судьбы именно в тот день, 24 ноября 1918 г., произошла очередная волна солдатского недовольства 96-го запасного пехотного и 4-го Пензенского полков. Согласно докладу Тарачкова, в 96-м полку «было опять самовольное собрание, решившее освободить из тюрьмы главного организатора движения в 96-м полку, арестованного красноармейца Лысова. Толпа красноармейцев 96-го полка направилась в тюрьму и по пути увлекла часть красноармейцев 4-го Пензенского полка и совместно с ней решили освободить из тюрьмы также и Войтина.

В виду воскресного дня и вечернего времени, в полку были из командного состава только дежурный по полку, командир полка и я, политком.

Узнав о случившемся, я поспешил к толпе красноармейцев, которую мне удалось удержать в казармах, а часть уже успела присоединиться к восставшим к 96-му полку и направилась к тюрьме.

Мною был извещен местный совдеп и Чрезвычайная комиссия.

Немедленно к тюрьме направился Председатель Алатырского Совдепа, Нестеров, пытавшийся уговорить подошедших туда красноармейцев, но убеждения не подействовали, и он подвергся оскорблению действием.

Затем толпа, увеличившаяся к этому времени человек до 40, освободила Лысова и Войтина, которые тут же скрылись. Сама же толпа быстро разошлась»⁴⁷.

Отличительной чертой указанного выступления, как и предыдущих, стало отсутствие необходимости в его вооруженном подавлении, так как после освобождения арестованных солдат из заключения беспорядки прекратились. Однако на этот раз реакция властей была более оперативной и действенной. Так, был создан Алатырский военно-революционный комитет (ВРК), специальный орган, перед которым была поставлена задача управления городом и гарнизоном в сложившихся чрезвычайных условиях. На следующий день после волнений, 25 ноября 1918 г., политком Тарачков отправился в полк для проведения дознаний, по итогам которых было выявлено и передано в распоряжение ВРК для судебного разбирательства 20 человек⁴⁸. На этом действия руководства не закончились, так как были подозрения, что основные виновники по-прежнему находятся в бегах. В связи с этим в

Алатырь из Саранска был направлен отряд, состоящий из солдат роты особого назначения под руководством командира Никулина и политкома Кобаева. По прибытии в город 27 ноября 1918 г. Кобаев направил председателю мобилизационного отдела Ш. Н. Ибрагимову телеграмму: «Беспорядки аннулированы, следствие ведется»⁴⁹. В отчетном докладе от 30 ноября 1918 г. Кобаев писал*: «28 ноября взяли отряд [и] пошли [в] 4 пех[отный] Пензенский полк. После построили и окружили пулеметами и отрядами и стали допрашивать красноармейцев, чтобы выдали виновников. Красноармейцы сопротивлялись выдаче виновных, тогда им сказали, что если вы не выдадите виновных, то начиная с командира полка, кончая до кашевара, будем через каждый десяток одного расстреливать, если не выкажете виновных. Красноармейцы, боясь расстрелов, выказали виновных, которых оказалось 15 человек»⁵⁰. В их числе вновь оказался неоднократно упоминавшийся Войтин, который в очередной раз был задержан и вскоре по постановлению ВРК был расстрелян вместе с начальником тюремного караула Гусевым, который обвинялся в нарушении «воинского долга, как не принявший должных мер»⁵¹. На более тщательной фильтрации солдат настаивала созданная в части коммунистическая ячейка, которая на собрании 29 ноября 1918 г. выдвинула предложение о скорейшем изъятии «кулацких элементов», негативно влиявших на «несознательные массы полка», «так как Красная армия есть армия классовая и не трудящимся в ней не могло бы быть места»⁵².

Аналогичная процедура по выявлению виновных была проведена 29 ноября 1918 г. в 96-м стрелковом полку. Однако здесь солдаты отказались выполнять требования командования, в результате чего предполагаемый зачинщик волнений Царев был расстрелян. После этого красноармейцы выдали 21 подстрекателя. Всех арестованных вскоре передали в распоряжение Чрезвычайной комиссии с предложением расстрелять самых активных виновников, а остальных перевести в роты дезертиров и на принудительные работы на 3 месяца. Не повезло и представителям командного состава 96-го полка. 30 ноября 1918 г. военная инспекция, прибывшая из Казани, где располагался штаб Приволжского военного округа, арестовала командира части и военного руководителя Алатырского уездного военного комисариата⁵³.

В первые дни после прекращения волнений в 4-м Пензенском полку ситуация, по словам участников событий, нормализовалась. Кобаев в докладе писал, что «настроение... переменялось, и дух революции проник в ихние ряды и ничего такого предосудительного не предвидится, и красноармейцы выносят на митингах резолюции об отправке их на фронт»⁵⁴. Аналогичную информацию приводил Тарачков: «Решительность принятых революционных мер оказала сильное впечатление на полк и сразу восстановила пошатнувшую дисциплину, так что полк в настоящий момент внешне представляет вполне дисциплинированную боевую единицу»⁵⁵. В результате 14 — 17 декабря 1918 г. полк в полном составе был отправлен на фронт в расположение Пензенской дивизии⁵⁶.

* Указанный доклад послужил основой для очерка Ш. Н. Ибрагимова о выступлении 4-го Пензенского полка, опубликованного в отчете мобилизационного отдела. См.: Отчет мобилизационного отдела... С. 172 — 173.

Поведение запасных частей и подразделений непосредственно на фронте также не отличалось стабильностью. Прежде всего, отметим, что дивизионное командование, в распоряжение которого прибывали указанные формирования, не всегда демонстрировало по этому поводу положительные эмоции. Во-первых, это было обусловлено тем, что пополнения по объективным причинам направлялись на участок боевых действий «в составе 2/3 оборванными, необученными, без оружия и боевой ценности не представляли. Положение фронтов было незавидное: они с нетерпением ожидали необходимых маршевых рот и взамен их получали толпу полуоборванных людей, которых надо было сначала вымыть, одеть, вооружить и дообучить»⁵⁷. С аналогичными проблемами столкнулось руководство Инзенской дивизии, в распоряжение которой 16 сентября 1918 г. был направлен 1-й батальон 3-го Пензенского полка. Начальник штаба соединения В. А. Максимов в начале октября 1918 г., подводя итоги наступательной операции на Сызрань, сообщал, что указанный выше батальон «прибыл на ст. Налейка без пулеметов, патронов и обо-за. 19 сентября ушло на приведение батальона в боевую готовность»⁵⁸. Кроме того, недовольство солдат подразделения отправкой на фронт могло перекинуться на остальных красноармейцев соединения. Об этом, например, сообщалось в телеграмме, направленной 18 сентября 1918 г. из штаба Инзенской дивизии политкому 1-й армии С. П. Медведеву: «Из телеграммы Ибрагимова за № 53 вытекает, что батальон мобилизованных, отправленный на наш фронт не только не боеспособен, но может решиться на контрреволюционное выступление. Следовательно, пересылка того батальона [на] фронт может нести непопра[вимые последствия]»⁵⁹. Однако, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в составе Инзенской дивизии солдаты подразделения вели себя вполне дисциплинированно и активно участвовали в боевых действиях. Уже 15 октября 1918 г. батальон был развернут в Саранский полк⁶⁰, который, по мнению Л. Д. Троцкого, высказанному в телеграмме от 12 декабря 1918 г., являлся лучшим полком соединения⁶¹, несмотря на то, что к тому времени часть входила в состав Пензенской дивизии. Именно здесь стало происходить разложение Саранского полка. В политической сводке от 17 декабря 1918 г. сообщалось: «Сильно развились провокаторы, которых очень трудно переловить. Наибольшее их количество находится в Саранском полку. Были случаи столкновения комиссаров [и] командиров с красноармейцами. Так, комиссар Ермаченко, принявшийся составлять списки хулиганствующих красноармейцев, чуть не был поднят на штыки. В 1 Саранском полку 60 перебежчиков на сторону белых. Политкомы не доверяют командному составу. Есть случаи бегства командиров. Бригадный комиссар опасается перехода Саранского полка к белым. Непригодность командиров вызывает озлобление красноармейцев»⁶². Впоследствии полк вместе с остальными частями Инзенской дивизии был переброшен на Южный фронт.

Похожая ситуация наблюдалась зимой 1919 г. в 4-м Пензенском полку Пензенской дивизии, который так же, как и Саранский полк, первоначально зарекомендовал себя с хорошей стороны. Например, в политсводке за 25 февраля 1919 г. отмечалось: «Полк [за] время нахождения в распоряжении 1-й армии [в] Пензенской дивизии исполнял все приказы примерно»⁶³. Однако достаточно быстро ситуация резко изменилась на противоположную. В начале февраля 1919 г. часть попала в окружение, «но благодаря стойкости и мужеству красноармейцев при больших

потерях удавалось пробиваться, заходить противнику в обход. [Во] время маневров взято 58 казаков [в] плен. Но, благодаря громадному превосходству противника, полку приходилось отходить. Первая [и] вторая роты отошли [в] деревню Михайловка. Политком Домнин [из] штаба поехал [в] эти роты [в] деревню Михайловку. [В] это время роты [были] выбиты [из] Михайловки [и] отступили. Политком не знал. Донесений не поступало. Деревню Михайловка заняли казаки. Политком попал [в] плен»⁶⁴. Вероятно, указанные события привели к полному разложению полка. В сводке от 8 февраля 1919 г. сообщалось, что солдаты стали вести себя настолько распущенно, что комиссары не могли заниматься политработой⁶⁵. Сводка от 11 февраля 1919 г. зафиксировала критическое положение в части: «Настроение 4-го Пензенского полка пало до минимума. Принимаются самые суровые меры, вплоть до расстрела всего элемента, вносящего дезорганизацию»⁶⁶. Следующий бой, который, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, произошел приблизительно в середине февраля 1919 г., оказался для 4-го Пензенского полка последним. Информация об этом содержится в разведывательной сводке противника за 22 февраля 1919 г., попавшей в распоряжение Красной армии. В документе сообщалось, что «4-й Пензенский полк расформирован за сдачу 2-х рот в плен на участке 45 — 47 полков. Командир полка, комиссар полка и до 150 стрелков расстреляны... Солдаты из мобилизованных хорошо отзываются о командире 2-го батальона 4-го Пензенского полка Михаил[е] Иванович[е] Григорьев[е]. Он всегда был на их стороне и не давал их в обиду добровольцам коммунистам. При наступлении советовал стрелять больше вверх и сдаваться не по одному, а отрядом, говоря, что если вас будет много, то вам ничего не будет. Всегда отступал и солдатам указывал [и] говорил, что наступало против батальона 2 — 3 полка»⁶⁷. Приведенная информация частично подтверждается политической сводкой по 1-й армии от 25 февраля 1919 г., где сообщалось, что военно-революционным трибуналом 5-й армии, в состав которой вместе со 2-й бригадой Пензенской дивизии перешел 4-й Пензенский полк, были приговорены к расстрелу второй взвод части целиком и каждый двадцатый солдат части, т. е. всего — 53 человека⁶⁸. Впоследствии оставшиеся солдаты были распределены между ротами 234-го полка 5-й армии, которые, в свою очередь также попали в плен⁶⁹.

Таким образом, выступления солдат запасных частей 1-й армии Восточного фронта осенью 1918 — зимой 1919 г. так же, как и волнения крестьян во время мобилизаций, являлись неотъемлемой частью начального этапа создания Красной армии, препятствуя планомерному развитию данного процесса. Многочисленные примеры солдатского недовольства демонстрируют проблемы, с которыми сталкивалось командование при формировании запасных частей — недостаток всего необходимого для ведения боевых действий, антисоветские настроения солдатской массы, халатность представителей военного и политического руководства, напряженные взаимоотношения между красноармейцами и начальством. Несмотря на это, выступления, вспыхивавшие в тылу по одному или нескольким поводам, перечисленным выше, довольно быстро затихали часто без насильственного вмешательства со стороны вышестоящих органов. В то же время подобные волнения на фронте спустя 1,5 — 2,5 месяца пребывания на передовых позициях приводили к практически полному разложению частей и высокому проценту перебежчиков на сторону противника.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Миронов В. Б.** Из истории 1-го Саранского полка в годы Гражданской войны // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1963. № 24. С. 51 — 64 ; **Петров И. Е.** Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны. Чебоксары, 1954. Вып. 1. С. 166 — 167 ; **Скобелкина Е. Б.** Борьба партии большевиков против мелкобуржуазной контрреволюции в 1918 — 1919 гг. (по материалам Симбирской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1967. С. 195 — 196.

² См.: **Кузнецов В. Н.** «Из огня да в полымя» : Симб. губерния в период гражд. войны. Ульяновск, 2000. С. 86.

³ См.: **Юрчёнков В. А.** Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918—1920 гг. Саранск, 2010. С. 185 — 186.

⁴ См.: Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1959. Т. 2. С. 429 — 430.

⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 1096. Л. 290 — 292.

⁷ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 61 об. — 62.

⁸ См.: Отчет мобилизационного отдела 1-й Революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведению мобилизации за время с 15 августа 1918 г. по 1 мая 1919 г. // Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект. Саранск, 2016. С. 191.

⁹ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1117. Л. 204.

¹⁰ Там же. Д. 1049. Л. 64.

¹¹ См.: **Герцовская Е. И.** Воспоминания о работе мобилизационного отдела Первой армии // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 48 ; **Миронов В. Б.** Указ. соч. С. 52.

¹² См. например: **Наумов Е. О.** «Паршивая овца все стадо портит»: особенности взаимоотношений между солдатами Красной армии Восточного фронта во второй половине 1918 г. // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4 — 5 : Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 35 — 70.

¹³ О несостоятельности объяснения «кулацкого» характера выступлений на примере крестьянских восстаний периода Гражданской войны в России см.: **Кондрашин В. В.** Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. 575 с.

¹⁴ **Герцовская Е. И.** Указ. соч. С. 48.

¹⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1049. Л. 56.

¹⁶ Там же. Д. 1117. Л. 163.

¹⁷ См.: **Александров С. Н.** В мобилизационном отделе // За власть советов: сб. воспоминаний участников борьбы за установление и укрепление советской власти в Мордовской АССР. Саранск, 1957. С. 100

¹⁸ См.: **Наумов Е. О.** Мобилизационная политика большевиков в Среднем Поволжье летом — осенью 1918 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 2 (54). С. 41 — 50 ; **Его же.** Отношение крестьянства Среднего Поволжья к мобилизационной политике большевиков летом — осенью 1918 г. // Региональное измерение аграрной модернизации в России : материалы VIII Всерос. (XVI регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 16 — 17 сентября 2020 г.). Саранск, 2020. С. 290 — 298.

¹⁹ **Герцовская Е. И.** Указ. соч. С. 48.

²⁰ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1049. Л. 64.

²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-326. Оп. 2. Д. 1. Л. 282 об.

²² РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1117. Л. 167.

²³ Там же. Д. 1049. Л. 66.

²⁴ Там же. Д. 1117. Л. 176.

²⁵ ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 8. Л. 276.

²⁶ Отчет мобилизационного отдела... С. 195.

²⁷ ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 3. Л. 345 — 346.

²⁸ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1049. Л. 83.

- ²⁹ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 195. Л. 72 об.
- ³⁰ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1082. Л. 30 об.
- ³¹ **Юрчѐнков В. А.** Указ. соч. С. 185.
- ³² РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 25. Л. 39.
- ³³ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1082. Л. 30 — 30 об.
- ³⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 25. Л. 39.
- ³⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 680. Л. 413 об. — 414.
- ³⁶ Отчет мобилизационного отдела... С. 172 ; РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 45. Л. 12 ; Д. 680. Л. 412 ; **Ситников В. В.** Военно-организаторская и мобилизационная деятельность органов военного управления Симбирской губернии в 1918 — 1919 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 240.
- ³⁷ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 195. Л. 72 — 72 об.
- ³⁸ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 45. Л. 12; Д. 680. Л. 412.
- ³⁹ См. подробнее: **Наумов Е. О.** Взаимоотношения между солдатами и комсоставом Красной армии Восточного фронта во второй половине 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 3 (22). С. 48 — 89.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 680. Л. 412
- ⁴¹ Там же. Д. 45. Л. 12.
- ⁴² Там же. Д. 680. Л. 412 — 413.
- ⁴³ **Юрчѐнков В. А.** Указ. соч. С. 185.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1117. Л. 786.
- ⁴⁵ Там же. Д. 680. Л. 222.
- ⁴⁶ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 16. Л. 81.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 680. Л. 412 об. — 413.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1082. Л. 28.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1082. Л. 30 об.
- ⁵¹ Там же. Д. 680. Л. 412 об. — 413.
- ⁵² РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 195. Л. 72 об.
- ⁵³ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1082. Л. 30 об. — 32 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 32.
- ⁵⁵ Там же. Д. 680. Л. 413.
- ⁵⁶ См.: Отчет мобилизационного отдела... С. 191.
- ⁵⁷ **Мовчин Н. Н.** Комплектование Красной армии // Гражданская война: 1918 — 1921 гг. : в 3 т. М., 1928. Т. 2. С. 85.
- ⁵⁸ Боевой путь Первой Революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов: июнь 1918 — февраль 1921 гг. : сб. док. и материалов. Ашхабад, 1972. С. 68.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1049. Л. 67.
- ⁶⁰ См.: **Миронов В. Б.** Указ. соч. С. 55.
- ⁶¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 41. Л. 115.
- ⁶² РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 25. Л. 30 — 32.
- ⁶³ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 640. Л. 39 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 7.
- ⁶⁵ Там же. Л. 6.
- ⁶⁶ Там же. Л. 11.
- ⁶⁷ Там же. Д. 843. Л. 9.
- ⁶⁸ Там же. Д. 640. Л. 39 об.
- ⁶⁹ Там же. Д. 843. Л. 9.

Поступила 01.04.2022 г.